

Станислав Грабовский

Где-то рядом...

Где-то рядом...

Содержание

[Часть 1](#)

[Часть 2](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

Часть 1

Кроватки в детском саду стояли в два ряда изголовьем друг к дружке. Дети укладывались на тихий час.

Маленькое, озорное и хихикающее лицо девочки с коротеньким каре тёмных волос, с карими глазками, лежащей на одной из этих кроваток на животике и приподнимающей своё личико на встречу давящемуся смехом мальчику. И его худенькое, с детскими мальчишескими чертами лицо, и немного вьющиеся белокурые волосы... Мальчуган постоянно повторял одну и ту же фразу: «Тебе что, смешинка в рот залетела?» - фраза, то и дело заставляла заново их прыскать со смеха.

Рита и Эдик.

Это было их первое общее воспоминание в их зародившейся ещё тогда, в детском саду, дружбе. Между прочим, это же было и самое первое, что они могли вспомнить в своих жизнях вообще - нормальное, такое, явление! Любые другие воспоминания казались им более поздними. Рита даже и не пыталась доискиваться до истины в этом вопросе, а вот Эдик, упорный и полный жажды познаний, как и все мальчики, время от времени пытался вспомнить что-либо раннее этого, но каждый раз ничего не обнаруживал. И лишь раздражался шепоту претендующих на первенство всяких других, найденных у себя ранних воспоминаний: «А может это я первое?»

Вот так и началась их дружба.

Если детей можно любить больше, чем бога, и говорить о них лучше, чем о боге, тогда можно сказать, что отношения этих детей, Риты и Эдика, тогда были похожи на любовь ангелов. Два ребёнка полюбили друг друга и стали любить, как каждый любил самого себя - оба стали друг для друга миром и досугом.

Что с того, что однажды Рита воткнула лопату в песочнице и какое-то мгновение не могла выковырнуть огромный песочный пласт, который попыталась подцепить, а Эдик бросился к самому черенку, чтобы запустить руки к железному основанию лопаты и таким способом помочь подруге выкорчевать столько песка, сколько той захотелось, но получил вырвавшейся лопатой прямо по брови, и с лицом, залитым на половину кровью, был уведён нянечкой в медчасть? Ему потом даже швы наложили. Сейчас, когда он стал взрослый, ещё можно разглядеть на том месте шрам. И что с того, что Эдик в своём самом весёлом и резвом расположении духа, подскочив к своему шкафчику, с такой силой распахнул его, что у Риты кровь хлынула из пальца, а потом они вместе искали на прогулке подорожник, слюнявили его и прикладывали к её ранке. Как Эдику тогда тоже хотелось иметь такую же ранку!

Вот так они и дружили! А по ночам, укладываясь спать, посылали в окно друг дружке: «Спокойной ночи!»

Иногда они одновременно, на одном и том же трамвае, подъезжали к остановке, где надо было выходить, чтоб идти в садик. В такие моменты мамы обычно плелись сзади, а Рита с Эдиком вырывались лошадками вперёд, и всякий раз, останавливаясь, чтобы подождать мам, трясли щёчками, издавали т-п-р-р-у-у, стараясь сымитировать загнанных лошадок. А если утро солнечное и прохладное? Тогда ещё и пар изо рта, как у настоящих лошадок!

А однажды Эдика, почему-то, оставили в садике на ночь. Рита не могла объяснить себе постигшее того горе – за ним больше никогда не приедут! – она плакала и заламывала руки – ну, прям, как взрослая! - она думала, что они больше ни когда не увидятся, потому что его забирают на войну. Потребовались невероятные усилия со стороны мамы Риты и педагогов, чтобы разлучить их в тот вечер.

Вот как они любили друг друга.

А потом их родители одновременно уехали на далёкий и дикий север на строительство нового города нефтяников. Папа Эдика, когда уходил в лес на охоту или на рыбалку, привязывал к рюкзаку рогатину, что бы с деревьев на него не обрушивались рыси. Вместе с отцом Риты и другими мужчинами посёлка, вооружившись охотничьими ружьями, они устраивали засады на «шатунов» - медведей, которые не впадали в зимнюю спячку - когда те начинали захаживать в «гости», из-за чего женщинам и детям становилось опасно появляться на улицах. Тем более, когда почти все мужчины и большинство женщин отправлялись на работу на автобусах за пять километров от того места, где стоял их посёлок.

И там, предоставленные по дням сами себе, Эдик и Рита придавались всем прелестям совместного времяпровождения.

Бывало и так, что лютыми морозами, в плохом настроении, Эдик мог пролежать полдня на трубе-батарее, которая тянулась через всю его детскую комнату, а Рита всё это время могла просидеть рядом на полу, в одиночестве поиграть с его игрушками, а потом

тихо уйти к себе. Комната её семьи находилась в конце большого коридора их общежития. Зато в другой раз Рита могла обидеться на Эдика и сказать, что она уходит на улицу, и, не дождавшись, чтоб он сдвинулся с места, уйти, оставив его одного в своей квартирке. А он, оставшись один, подавленный их ссорой и притихший, пока она «остывала», бродя по улицам, или просто заигрывалась с подружками, наводил у неё в комнате порядок: выкладывал рядами кукол, рисовал рисунки и развешивал их по её кровати.

Однажды родители Риты, вернувшись с работы домой, застали её с перевязкой на голове. Рита наполовину из вредности, наполовину шутя, испортила Эдику его механизм от разобранной машинки и убежала в другую комнату, а потом понеслась обратно к нему. Они встретились бегущие друг к другу: она - чтоб извиниться, он - чтобы как-нибудь отомстить. Рита отлетела от Эдика, ударившись затылком об ножку тяжёлого кухонного стола.

И вот ей уже полных семь лет, ему почти семь. С сентября оба идут в школу. Лето. Рита и Эдик на болоте. Это было одно из любимых занятий мальчиков посёлка – отправиться побродить по болотам. Надо было отдать им должное - они знали много проходов в этих смертоносных участках суши-влаги, окружающих их посёлок со всех сторон. Много, но не все. Провести Риту по значным местам, где земля «дышит», пузырится, чавкает, издаёт звуки и кишит гадюками, было верхом геройства для Эдика. А Рите хотелось казаться достойной «пацанкой» для своего друга. Она бесстрашно поставила ногу на симпатичную, покрытую коричневым мхом кочку, чтоб перепрыгнуть через маленький ручеёк сантиметров в сорок. Но не смогла. Нога полностью ушла в трясины, куда стало погружаться и всё тело. Эдик схватил её одной рукой, а второй ухватился за тонкое дерево, которое могло и не выдержать их двух тел. Пока Эдик держал её за одну руку, Рита старалась выкарабкаться из трясины. Дерево выдержало. Дети выбрались из болота мокрые и грязные. Эдик потащил Риту в какое-то деревянное строение, чтобы осушиться. Нашли спички, стали разжигать печку. Не знали, что надо открыть печную заслонку - помещение стало заполняться дымом. Прибежал какой-то мужик, повёл их к родителям – грязных, мокрых, чуть не спаливших деревянную бытовку электрика, едва не погибших в болоте... Да-а уж!... Дерево выдержало... А вот отец Эдика нет. Ему влетело так, как ни до этого, ни после не влетало. И надо ли удивляться тому, что эта девочка и этот мальчик уже через пару дней так повздорили, что швырялись с расстояния друг в друга увесистыми камнями. А если б у кого-то получилось попасть в другого?

Думаете, люди рядом не знают, о чём вы думаете? Даже не сомневайтесь. Даже те, кто не рядом знают, о чём вы думаете. Не осознают – да, но знают, и всё. Тех, чьи мысли мы не прочитываем, мы колем на дрова, травим дехлофосом, едим их, или делаем из них себе одежду, или абортируем их, в конце концов, до определённого срока. А как только прочитываем чьи-то мысли, сразу говорим - существо нужное, вернее, разумное. А как по-другому мы могли бы определить это? Есть такая техника? Компьютер, например, определит: говорит ли с ним человек или такой же компьютер как он сам?

Как-то Эдик с Ритой ехали в школьном автобусе домой. Эдик сидел у окна, Рита была в кругу подружек. Вдруг Эдик обратил внимание, что он единственный мальчик в автобусе, а остальные, человек пятнадцать - девочки. Только подумал об этом, и успел ещё мысленно чертыхнуться и подумать, чтоб вот бы никто из девчонок этого не заметил, хоть ему и

хотелось поделиться своим наблюдением с невнимательными девочками, но уже был поднят смех по этому поводу. Сконфузиться не успел, потому что в ту же секунду захлестнула мысль о чудовищной связи с тем, что он об этом только подумал, как тут же об этом заговорили вслух. Рита заступилась. Обозвала всех дурами и села рядом с ним. А он мужественно грыз ноготь, смотря в окно.

В дружбе бывает и такое.

Или вот. Со слезами радости на глазах Рита неистово хлопала, видя, как ребята из класса Эдика подкидывали его на руках, как вратаря, который принёс их команде первое место в футбольных соревнованиях между шестыми-седьмыми классами. Он был в шестом. Из пятидесяти ударов по его воротам он отбил сорок девять – Рита видела всё – в том числе и пенальти в конце. Мяч ни на секунду не смог оказать быстрее него. А вот несколько ударов по воротам их противников цели своей достигли. Всё равно потом ребята из класса побеждённых, из старшего класса, прихватив с собой ещё пару друзей постарше, чтоб наверняка, отловили Эдика и побили чуть-чуть.

Рита так и не обзавелась за свою жизнь настоящей подружкой, а Эдик бегал к её одноклассникам за домашним заданием, когда та болела.

А потом они уехали обратно в свой родной город. Квартиры их родители получили в одном районе.

Эдик стал покуривать в тайне от родителей, даже рискнул один раз попробовать спиртное. А потом выпивка, драки район на район, мотоциклы и девочки стали частью его жизни. А Рита, как хорошо училась, так с серебряной медалью и закончила школу. Пошла учиться на биолога, как и ещё несколько девочек из её класса. Эдик со своей страшной шайкой иногда встречал её прохаживающуюся на улице с подружками. Последние немели от страха при виде этих отъявленных хулиганов. Рита могла прогнать всех друзей Эдика одним словом. Но по настоящему счастливым человеком Эдик ощущал себя, когда отправлялся к Рите в гости. Иногда они сидели у неё дома, иногда у неё в подъезде. В это время их встречи, чаще по вечерам, стали не такими частыми, как раньше, но, как и раньше, обходиться друг без друга они не могли.

Рита превратилась в привлекательную брюнетку с перспективой чуть позже начать складывать мужчин штабелями у своих икорок. А Эдик, при росте сто девяносто сантиметров, составил около ста килограммов резиновой массы, которая могла прыгать, растягиваться, ударяться и ударять так, как ни всякая другая масса могла.

Однажды Эдик был на пикнике с друзьями, и там кто-то, увидев пасущихся недалеко двух лошадей, вспомнил вслух сцену из кинофильма «Конан-варвар», где главный герой хватает лошадь под уздцы и даёт ей боковой удар такой силы, что лошадь опрокидывается на спину, сбросив седока. Тут же кто-то ухватился за эту мысль и, развивая её, поинтересовался о возможности отключить с одного удара человеком лошадь вообще. Эдик вызвался проверить это на деле прямо сейчас. Да и выпито было не мало. И вот он, берущий с разбега два метра высоты, отдирающий от земли двести восемьдесят килограмм, делающий дырки кулаками в дверях, как леопард подскочил с земли и уверенно, под смех и подбадривающие крики друзей и подруг, направился к двум представителям этой грустной и красивой живности, которые паслись у дороги. Было видно, с какой силой он размахнулся, подавшись немного назад и в сторону, сжался, как

пружина, а потом, с силой домкрата отправил боковой удар в желвак коричневого жеребцу, который ничего подобного от человека не ожидал. Удар, который мог отправить на тот свет человека, потревожил коня ровно настолько, что тот только отскочил, тряхнув головой, издал что типа «пррррр» и отошёл от Эдика. Эдик вернулся в компанию, разводя руками, встречая аплодисменты и совет потренироваться на кошках.

А Рите нравилось кино. Каждые выходные, иногда с Эдиком или с какой-нибудь подругой, или в одиночестве она отправлялась в кинотеатр. Время от времени подруга, с которой Рита посещала кинотеатр, зазывала с ними своих знакомых, и тогда после фильма все могли отправиться на «продолжение банкета». Один раз среди таких «знакомых» оказался парень, которому Рита очень понравилась, он тоже показался ей симпатичным. Но в постели всё оказалось очень плачевно. Парень пускал сопли, чтоб она дала ему ещё один шанс, чтоб остаться с ней подольше после этой неудавшейся попытке. Что это может из-за травмы, которую он употребляет в огромном количестве. И хоть Рите было жалко его, и хоть пыталась она скрыть всё под глупой улыбкой, однако на его уход смотрела как на «быстрее бы свершившееся событие». И они уходили, а она оставалась, или она уходила, а они оставались, но всегда она спокойно переживала такие моменты. С кем она сравнивала мужчин, когда пыталась увидеть в них своего партнёра? С Эдиком или со своим отцом? Что там по этому поводу говорит психология?

Что-то меняется. Что-то менялось и в жизни Эдика и Риты, но они продолжали дружить и общаться друг с другом. Теперь они обсуждали уже своих партнёров.

Эдик вырос в умного и начитанного человека, руководил отделом логистики в крупной компании, стал отличным советчиком для Риты, а Рита рассказывала ему много интересного из своих, чисто женских, наблюдений жизни. Рассказывала много о женщинах, со смехом поведала ему, не понимающему, почему женщинам так не нравится реклама женских прокладок – ведь там такие весёлые и довольные девушки обычно снимаются!

Они доверяли друг другу свои секреты, знали пароли друг друга в социальных сетях интернета, часами могли вспоминать свою жизнь, заново и заново перебирая те или иные события и, то и дело добавляя какие-то новые измышления по поводу когда-то случившегося.

И были чувства их друг к другу точно такими же, какими они были тогда, когда они смеялись друг дружке в лицо, лёжа на кроватках в детском саду...

Тридцать...

Лет пятнадцать назад Рита, как девочка, первая задумалась об их дружбе. В какой-то момент она по-другому взглянула на то, что она женщина, а он мужчина, и дружба их в этот момент показалась ей связью с каким-то подтекстом, что ли... Ну да, конечно, она любила Эдика, он был для неё как брат, которого у неё ни когда не было. Она была ему как сестра. Но как же, где глубоко-глубоко в душе, дискомфортно ощущала она себя от статуса «как сестра», когда мысли о платонической любви от стука уже перешли в гул? Но и сексуальных претензий на него она не вынашивала. Вроде. А он, похоже, тоже был далёк от этих мыслей. Почти. Хотя их периодические схватки на диванах – борьба в шутку – и заставляли трепетать их внутренности, но как-то стеснялись они взглянуть в сторону друг друга откровенно такими глазами. Видимо интуитивно догадывались приложить максимум стараний для сохранения этого редкого, чего не наблюдали у других – таких

доверительных отношений. Лет пять Рита думала так. Потом лет пять думала, что она бы, пожалуй, согласилась на брак с Эдиком, если б он... Потом лет пять думала, что всё складывается и должно складываться так, как оно складывается. Тридцатилетние юбилеи они встретили одинокими людьми.

Риту стали посещать пугающие мысли, она стала подумывать, а не обратиться ли за помощью к психологу? Многие девушки ставят планку высоко в поиске своей второй половинки, но постепенно опускают её вниз, убеждаясь в тщетности той или иной претензии к представителю противоположного пола или к себе, или улавливая признаки херения... Но не она. Забросив однажды эту планку как можно выше, она забыла о ней, а вот теперь... Теперь она боялась, а нет ли проблемы? Ей уже за тридцать, она красива, очень красива! Она умная, чувственная. В ней было столько женственности, что ей даже не шло управлять автомобилем. Притягательная и сексуальная в конце концов. Но почему-то так до сих пор ни кого не притянула... И она стала думать, что скорее Эдик порадует её своей свадьбой. И более того, может она ждёт, чтоб он первый женился, может это надо для того, чтобы выйди она замуж, он не остался один? Ну конечно, так и есть. И она в душе помолилась за него. Помолилась и попросила, чтоб он женился в ближайший год, и чтоб свадьба у них была красивая-прекрасивая, а она, Рита, может будет у них свидетельницей, но, как бы то ни было, она будет там в офигеннейшем бирюзовом платье.

А потом Рите позвонила та, которая должна была бы позвонить ей последней из всех, кто мог это сделать - на столько «хорошими» у них были отношения - и спросила весело, не она ли, Рита, будет свидетельницей у Эдика, и что у неё есть пара замечательных идей для свадьбы.

Рита не поняла и спокойным голосом переспросила про свадьбу:

«У «моего» Эдика?»

«Ты что, не в курсе?» - удивление в голосе той было не поддельным.

«Когда?!» - тон стал ледяным.

«Да вот же, двадцать седьмого!»

«Какого месяца?» - упавшим голосом спросила Рита.

«Этого», - в тон Рите тихо ответила «подруга».

Оставалось не больше двух недель.

Слёзы уже начинали подкатывать к горлу Риты.

«Слушай, я тебе перезвоню», - попросила Рита и, не дожидаясь ответа, положила трубку.

Горло как будто сжали тисками. Рита стала набирать маме.

«Мама, Эдик жениться, а я ничего не знала!»

На первых словах мамы: «Ты главное успокойся, кто тебе сказал?» - Рита просто остановила её и спросила:

«Ты что, знала? Почему мне никто ничего не сказал?»

«Ну, так было надо», - ответила мама.

«Что?!»

Рита не верила своим ушам. Она бросила трубку, набрала маме Эдика.

«Тётя Эля! Почему мне никто, ничего не сказал? Почему Лина это знает, и, я так понимаю, она приглашена, когда я знаю, что он никогда б её не пригласил? Почему она

мне это сообщает?»

«А что конкретно тебе сообщила Лина?»

«Тётя Эля, почему вы мне ничего не сказали?» - Рита была раскалена до предела.

«Ну, так было надо».

«Что?!»

И она уже третий раз подряд бросила трубку.

Рита стояла красная, задыхающаяся, с силой сжимающая телефон. В висках стучало. Слезы текли по щекам. Обида сменилась ненавистью, ненависть – разочарованием, а затем наступил страх – серый, вонючий, леденящий, отравляющий... И сознание зашептало:

«Я - больная! Меня обманули! Как меня обманули! Меня никто не любит! Я никчёмная! Я всю жизнь старалась делать всем хорошо, а мной только пользовались для достижения своих целей! Со мной даже мыслями своими никто не делился! Я всех достала! Все жалеют меня, считают, что я дурочка, и ненавидят меня, потому что я всем надоела и я - обуза! Господи, да я может блаженная, дурочка, а сама не знаю! И как я могу знать, что я дурочка, если я дурочка?! Дурачки они потому и дурочки, что не понимают этого! А-а-а, теперь я вспомнила, теперь понятно, зачем мне тогда Эдик сказал, что нет хуже дуры, которая пытается быть реальной дурой! Это он про меня, чтоб я не догадалась, что я дура! На свадьбу? Меня? Я? На свадьбу к нормальным людям? Не льсти себе, там будут только нормальные!»

Рита не обращала внимания на разрывающийся звонками телефон, не заметила, как у неё в руке оказалась дымящаяся сигарета.

Она никогда не курила. Отец – да, тот курил. Рита нет. Не заметила она и пятой сигареты. И докторов, которые её уводили. И родителей, которые стояли с искажёнными ужасом лицами, когда провожали машину «скорой помощи».

Теперь чаще она видела себя со стороны.

Вот доктор, который задаёт ей вопросы: как её зовут, фамилия, адрес, что беспокоит, не хочет ли она с ним поговорить; а вот она, Рита, сидящая напротив в больничной пижаме.

От одного взгляда на него Рите становилось всё ясно: работает, потому что так принято. Делает это ради своей семьи – жены, детей. Он хочет зарабатывать, чтоб они были счастливы, но разве они будут счастливы, если он их «строит» по своему образу и подобию? Ты счастлив, доктор? Ну, так, а как ты собираешься воспитать счастливых людей, когда сам ни то ни сё? Да и не важно это – «построены» ли они. Важно то, что они может будут счастливы, а может и нет. И от доктора этого, это не зависит, как он думает об этом! Если будут, то и доктор этот будет счастлив, а если нет, то всё, на что он рассчитывал, окажется «несбывшейся» мечтой. Вот во что и выливаются такие пробелы, бедный доктор! Из кожи вон лезет, чтобы всем угодить, чтобы все кричали, какой он хороший. А когда им надоест повторять как попугаям, что хороший, что будешь делать? Что тогда с тобой будет, когда не сможешь отвечать себе, зачем ты всё это делаешь? Бедный доктор! Это вам нужна помощь! Это вам надо заняться тем, о чём вопиёт ваше нутро, чтобы быть счастливым и не думать каждый день, зачем мне всё это надо, а вы спрашиваете моё имя. В конце концов, разве вам не сказали этого мои родители, когда передали сюда?

Доктор смотрит в потухший взгляд девушки, пытается вспомнить что-то ещё, чему его

обучили в вузе, чтобы растормошить женщину, чтобы подвинуть её на разговор.

Иногда Рита думает, что пора кончать со всем этим цирком и возвращаться к нормальной жизни.

Но снова доктор, снова он затевает «умные» разговоры, которые она в молодости на завтрак съела, снова всё кругом доказывает, что она дура. Ведь никто не пришёл, не сказал, что она нормальная, отпустите её домой, перестаньте ломать комедию, вернее трагедию. Нет ни одного доказательства, что она нормальная. Значит, есть в ней что-то дурное. А вот сигареты радуют, они откровенны, честны, всегда тебя ждут, никогда не обманут – настоящие друзья – с ними всегда можно быть вместе и ощущать спокойствие, даже счастье, если хотите.

А потом она почувствовала, что стала затухать. Откуда-то из груди пришёл первый сигнал. Она поняла – это конец. Конец, и всё. В начале боли не было. Откашлялась кровью и всё. Решила никому не говорить. И долго решала никому не говорить. А через полтора месяца не проснулась... С кусками лёгких на груди...

Часть 2

Где-то рядом... Настолько рядом, что даже мысль между всем этим не проскочит... И в то же время так далеко, что даже знания об этом не доходят друг до друга...

Глава 1

Рита в очередной раз пошла с подругой в кино. Хотела пойти с Эдиком, но подруга сказала, что ещё будут двое её знакомых парней. Рита обожала такие ситуации – новые знакомые! Они купили четыре места, два билета оставили ребятам, которые контролировали вход в кинозалы, и сказали, что подойдут двое парней и скажут, что им оставили билеты. Те не отказали таким красивым девушкам и сказали, что передадут. И ребята появились. Появились ещё до рекламы. Рита взглянула на того, что повыше. Она почувствовала, что мир рухнул, обнулится. А когда он опустился в кресло рядом с ней, и она еле-еле уловила запах приятной туалетной воды и как будто запах новой колоды карт, такой слабый-слабый, но такой дурманящий её женский разум, тогда всё, что было до этого, она готова стала отдать за всё, что будет потом, но только, чтобы это было рядом с ним! Сомнение, что самое хорошее, что может произойти, вдруг может даже не начаться, было сметено силой. Силой, которая в неограниченном количестве существует, как энергетическая вселенная, и которая начинает питать каждого, кому что-то понадобится сделать. С этого момента теперь всё будет хорошо, или вообще ничего не будет. Его звали Никитой.

Через три месяца они подали заявление. Ещё через три месяца женились. Через год у них родился первый ребёнок. Через три - второй. Через восемь родится третий.

Вместе с детьми они будут во Франции в Диснейленде, когда у Риты зазвонит телефон.

«Алло, Рита, привет!»

«Привет, Эдуард Семёнович! Каким ураганом?» - Рита язвила и улыбалась, если почти не смеялась.

«Я знаю, вы отдыхаете, но у меня новость, которая повергнет тебя в шок!»

«Мне присесть?»

«Можешь продолжать стоять – ты ж у нас кремень в твёрдом состоянии... днём!»

«Эдик!!!»

«Шучу, шучу. Короче, я хочу попросить тебя быть свидетельницей на нашей свадьбе!»

Рита засмеялась так, что привлекла к себе внимание.

«Ты шутишь? Ты сумасшедший? Или ты не серьёзно?»

«На полном серьёзе!»

«А ты не думал, что может это я причина твоих несчастных браков?»

«Ни один мой брак не был несчастным. Короткими – да. Но несчастными – нет! Ну, думаю, ты согласна».

«Да у меня уже даже это как-то в привычку вошло. Никита будет бешенный. Четвёртый раз свидетельницей! Надо бы узнать, есть ли такой рекорд в книге Гиннеса».

«Я знал, что ты мне не откажешь!»

«А может, всё-таки ты подумаешь?»

«Пусть подумаю я где-нибудь в параллельном мире. А в этом, Рита, я, можно сказать, родился с тобой, с тобой и умру!»...

Глава 2

Тыжелай родился последнем, шестым ребёнком в семье. Пройдёт очень много времени, прежде чем ему самому станет понятно, почему ТАКОЕ выпало на его судьбу. Но он доищется до этого своим повзрослевшим умом. Почему же ЭТС происходило с ним и в детстве? Какие знания способен выносить из своего жизненного опыта ребёнок? Разве ребёнок может выстроить цепочку событий и на основе их анализа прийти к выводу о своём предназначении? Тут взрослые, бывает, правда, не без умыслу, впадают в заблуждение по этому вопросу, и девять из десяти ошибочно принимают желаемое за нагрянувшее, а тут - ребёнок!

Да... Пройдёт очень много времени...

Сейчас Тыжелаю 74 года. Из них 36 он живёт отшельником в Олёкменском заповеднике, причём два из этих тридцати шести только сюда добирался: около двух тысяч километров он преодолел на транспорте, около шести – пешком; и можно было бы согласиться, что добрался он сюда пешим порядком.

Попросите гида по экстремальному туризму провести вас по этому заповеднику, и через полдня карусели эмоций вас накроет такой тоской, что вам захочется закрыть глаза, - насколько место это необычной красоты, - и стереть из памяти увиденное, чтобы никогда, не дай Бог, не прокралось в душу опять всё то, что пришлось когда-то пережить, вернее то, что наступает после, когда ты перестаёшь выдерживать созерцание одного из самых одиноких и диких мест нашей прекрасной планеты. Одни, рассматривая этот заповедник из летящего вертолета, уверяли, что так может выглядеть душа нашей планеты. Другие, побывав здесь в одном из таких мест, где сквозь кроны деревьев не видно неба, на земле мох - и то редкость, а стволы деревьев чёрные и до странности и жуткости одинаковые в диаметре, говорили, что если волшебный лес как-то и выглядит, то вот так. Третьи, оставленные гидом на три часа где-нибудь в более-менее безопасном от хищников, и географически, месте, чтобы пережить подлинное одиночество, сознавались потом, что такой безысходности и страха, которые накатывали на них здесь, они никогда нигде не испытывали. А ведь часто это были люди, которым не просто не сиделось на месте дома, это были люди, которым подавай ощущения головокружительные и опасные – исследователи, так сказать, глубин, или глубинок, а зачастую и глубин земли и души. Именно таким и было место, где жил Тыжелай – самое прекрасное, самое волшебное, но и самое опасное. А самое опасное оно было не в том смысле, в котором оно казалось третьим, а на самом деле очень опасное... Дикое.

Первое происшествие случилось с Тыжелаем в шесть лет. Он влез на вишню покушать ягод, заодно и просто полазить по дереву, мальчишка ведь, а когда спускался с неё, упал, застряв ногой между суком и стволом. Четыре с половиной часа он провёл в положении головой вниз, еле касаясь руками земли. Ни повернуться, ни развернуться он не мог – всякое движение

доставляло сильную боль вывернутой ногой. Всё что он мог делать, это упираться руками в землю, чтобы уменьшать напряжение в выворачиваемых суставах ступни. Когда его нашли, он был без сознания. Когда врач решил проверить реакцию зрачков, все увидели, что белки у мальчика были абсолютно красные. Врач сказал, что после такого не выживают.

Наступившей, вслед за этим случаем, зимой он с братом прогуливался по замёршей реке и провалился под лёд. Брат устался в образовавшуюся прорубь, опустился на четвереньки, потом выкрикнул пару раз имя Тыжелая и даже сунул в воду руку, подумав, что так можно нащупать того. Вода была ледяная, течение ужасное - руку сносило. Он встал, раздумывая, как он сообщит дома родителям о случившемся. Прошло ещё секунд тридцать-сорок, и тут из воды показалась рука Тыжелая. Брат ухватился за неё и через минуту оба неслись домой.

Потом был случай, когда он мальчишкой делал сальто в воду с пирса. Как он умудрился задеть сонной артерией за торчащий из пирса под водой кусок арматуры? И ведь не прожил бы и трёх минут - кровь хлынула фонтаном. Рядом отдыхала компания из взрослых. Один семидесятилетний старик, злоупотребив алкоголем, пошёл купаться, ему стало плохо, еле вытащили из воды, вызвали «скорую». В момент, когда медицинские работники привели его в чувство, со стороны пирса раздались крики. Если бы не «скорая», которая оказалась в пятидесяти метрах от Тыжелая, три минуты и тот бы истёк кровью.

И таких случаев пришлось на жизнь Тыжелая около двадцати. Двадцать раз он должен был погибнуть. А он выжил. И в один момент он подумал, что жизнь ему пытается что-то упорно сказать. Но что? Ему было тридцать восемь, когда, уйдя с работы на обед, он больше не вернулся. Странное, и казавшееся явным знание посетило его тогда. Он доехал до своего дома, сел в свою машину, уехал на ней за город. Там подождал, когда на трассе не стало видно ни одной машины, надавил до конца на педаль газа и закрыл глаза. Машина рванула с места, но через три секунды раздался хлопок, двигатель заглох, и машина тихонько остановилась. Тыжелай открыл глаза, в салоне пахло горелой проводкой. Он вышел из машины и больше его никто не видел.

Через два года он пробирался по тому месту, где через кроны деревьев не видно неба. Он шёл один. В этих местах человек погибает в течение трёх часов. Это дикие леса. Здесь не ступала человеческая нога. Рыси, волки, медведи, гадюки, болота. Но единственное, с чем столкнулся Тыжелай, это были голод и усталость. И то, не тогда, когда он вышел на одну из полян, которую окаймляла река Олёкма. Здесь усталость и голод исчезли, а раны перестали давать о себе знать. Здесь он вдруг ощутил силу и кое-что ещё. Но это кое-что может и надуманное людьми.

Говорят, что через несколько месяцев его обнаружил лесник. Этот лесник увидел следы человека и подумал, что кто это сюда забрёл, но, скорее всего, нуждается в помощи, если ещё жив. Собака лесника почему-то лаем не предупредила своего хозяина о приближении к человеку, которого они искали, тем более что рядом с тем крутился медвежонок. Он застал Тыжелая возводящего себе жилище. Не оборачиваясь на лесника, Тыжелай поприветствовал и назвал его по имени. Они провели вдвоём здесь несколько дней. Именно поэтому и стало известно что-то вообще о Тыжелаяе. Говорят, всё это он сам рассказал леснику, а закончил свою историю тем, что когда пришёл в это место, где у него сразу пропали и голод, и усталость, и раны перестали давать о себе знать, он услышал голоса – это говорили деревья и животные. Они сообщили ему, что у каждого человека есть своё место на земле - это его. Птичка с ветки «сказала», что к нему по его следам идёт лесник с собакой. Одна из сосен сообщила, что в двух километрах «в том» направлении умирает медведица, и он может пойти и спасти медвежонка, забрав его себе, а может не идти, но тогда тот погибнет. Деревья отвечали ему, что делают сейчас его знакомые и друзья, если он спрашивал у них, и что с ними будет, если он спрашивал об этом... Чтобы доказать, Тыжелай сказал леснику, что деревья сообщили ему, что у того когда-то была сломана рука, а теперь его мучают постоянные боли, но что он может ему помочь прямо сейчас. Не дожидаясь разрешения, Тыжелай приложил руку к больному предплечью лесника и простоял так минут десять, пока боль у того не исчезла совсем, и только сказал: «Она больше не вернётся».

- Как тебе это удалось? – спросил лесник.

- Верить? Я ещё сам толком не разобрался. Деревья! Я слышу их мысли. Они сказали мне: «ухвати его за правую руку посередине между локтем и запястьем», - я это сделал. Потом они говорят: «Держи, не убирай руку», - и я просто послушно выполняю.

Тыжелай не выказал ни грамма повода для того, чтобы усомниться в его нормальности. Его глаза светились разумом, а главное - тем же вопросом, который стоял в глаза и лесника.

- Как ты думаешь, как это работает? – спросил его последний.

Тыжелай посмотрел куда в сторону, как будто у кого-то что-то спрашивая или слушая кого-то, и ответил:

- Лечит не рука и не я. Любая процедура, направленная на такое излечение достигнет своей цели, если выдержать её по времени ровно столько, сколько необходимо для зарождения в человеке веры в своё излечение. Главное, чтобы аккуратно столько, сколько необходимо. Не больше, чтобы человек не стал лёгкой добычей для бесов, и что б тогда вся жизнь его не превратилась в ад, и не меньше, потому что тогда не изойдёт недуг. Наверно в твоём случае, когда деревья сообщили мне отнять руку, и что ты теперь здоров, так и было. Каким-то образом они это видят. Могу спросить.

А потом никто ни чего подобного от него не слышал. Так что, может что-то из этого и имело место, но, как это часто бывает, что-то уже и выдумали.

А вот что вас удивит, так это если вы придёте к нему, он скажет вам, как вас зовут. Скажет, зачем вы пришли к нему. И кому-то поможет, а кого-то отправит обратно, потому что «не всё можно на нашей земле». И, действительно, лечит одним прикосновением. А ещё с ним, действительно, живёт медведь.

Три года невыносимой тоски привели Риту в состояние, в котором она в любой момент могла наложить на себя руки. Три года Эдик стоит у неё перед глазами, обнимая её, живой. Это было её последнее общее с ним воспоминание. Только у

того это было последнее воспоминание вообще. А потом машина выбила его у неё из рук. Очень было жутко увидеть, а теперь помнить, с какой скоростью он пролетел несколько метров, а потом переверачивался по асфальту, и застыл в такой немыслимой и невыносимой позе.

И вот - она уже не выдерживала. Силы и здоровье покидали её. Иногда она не могла подняться с кровати - не хотела. Она не ходила в магазин, не готовила еду, не покупала одежды. Всё это за неё делала мама. Мама же водила её по врачам, психологам и экстрасенсам.

Принимая во внимание состояние Риты, учитывая образ её жизни, действительно повторяющееся изо дня в день всё до мелочей, а не просто преподносимое окружающим таким описанием этого, как рок или наказание, рутина или несчастье, «бытовуха» и неизвестно, что ещё, один и тот же повторяющийся сон Риты мог бы показаться, как бы вписывающимся в общую картину её мира. Но в то же время, о каком часто повторяющемся сне может идти речь? Разве люди видят повторяющиеся сны? Ну ладно, один раз сон повториться может, ну может два. Разве более двух это нормально? Тем не менее, Рита часто видела один и тот же сон. Даже не сон, а так, картинку. Как будто с высоты птичьего полёта. Как бы повторяющая змеиный след река. Большая река - и её правильные и ровные изгибы были похожи друг на друга. Несколько изгибов – пять, шесть, может больше. И вся эта река в растительности, в ярко-зелёной, и определённо - хвоя.

И уже невозможно установить, что появилось первее: её тихая склонность просматривать в интернете все картинки, связанные с поиском «речка тайга» или этот сон-картинка. То ли это сон когда-то заставил её искать что-то похожее в «сети», то ли вечная её навигация по рекам мира навелили это сновидение. Но она нашла эту картинку. Точь-в-точь. Господи, до чего эта фотография совпадала с тем, что она не раз видела во сне! Рита набросилась на всю информацию, которая имела хоть что-то общее с изображением неизвестного ей места. Интуиция уже зашептала, что, скорее всего, через какое-то время она окажется в тех местах. Что и захочется, и необходимо будет. И вот, что ей довелось прочитать на одном из интернет-форумов:

«В районе Олёкменского заповедника живёт. Тыжелаем зовут. Я сама собственными глазами видела. Он только по лысой башке какую-то женщину из нашего посёлка погладил, и теперь у неё волосы растут. Я сама её видела - с волосами. И много, кто тогда с нами был ещё. У мальчика одного костыли забрал и в костёр, говорит: «Дымом дыши и выздоровеешь». И медведя с ним видела. Он между нами ходил».

И много, какой ещё информации она потом нашла в течение семи дней о каком-то старике, который живёт неизвестно где, и может даже остановить время. А вдруг, и дать ему обратный ход?

И вот поезда, машины, вертолёт, проводник, лодка и она видит перед собой старика метра под два ростом, стоящего на берегу реки и смотрящего на медведя, пытающегося поймать выпрыгивающую из реки рыбу. Лодка подплыла к нему.

- Здравствуй, Рита, - сказал он, когда она оказалась на берегу. - Завтра в это же время приплывай, - бросил Тыжелай проводнику Риты. - А ведь из-за тебя я тут, - обратился он к ней, не глядя на неё, а на её проводника, отплывшего уже метров на тридцать, и всё отплывающего и отплывающего.

Медведю, наконец, удалось схватить пастью одну выпрыгнувшую из воды рыбу.

- Пойдём, - сказал Тыжелай.

По его лицу можно было сказать, что угодно, но никто не мог разглядеть его внутренний мир – весёлый и спокойный, пожалуй, самый весёлый и спокойный, которым когда-либо одаривался человек - как тот густой летний лес, где лучи солнца так радостно пробиваются сквозь листву, где тишина и лишь редкие щебетания птичек, то рядом-рядом, то чуть поодаль, а то вдалеке... И ни ветерка, и тепло, тепло, тепло.

- Не говори пока ничего. Я тысячу раз слушал твою историю, а сейчас с наслаждением, имея тебя перед своими глазами, хочу послушать её ещё раз.

И они промолчали часа полтора, пока дошли до жилища Тыжелая и пообедали, ожидающим их прихода на углях, картофельным пюре с кусками обжаренного мяса.

А потом на улице он подвёл Риту к одной из сосен и попросил её тронуть это дерево рукой.

Как молния сверкнули перед глазами Риты картинки с Эдиком и не только, знакомые и чужие. Тысячи, миллион картинок. Вот они с Эдиком прыгают в сугроб, и он обдирает спину о железобетонную плиту, скрытую, было, под снегом, а тут он дарит первый раз ей цветы, поздравляя с восьмым мартом, и оконфуживается, но почему-то в этот раз и его поздравление воспринимается как-то по-другому – им по шестнадцать. А вот это что такое? Она с каким-то мужчиной, непонятно где, кругом карусели, дети, но говорит с Эдиком по телефону и дико смеётся – она очень счастлива. А вот человек, который выпивает рюмку за рюмкой водки, а потом он садится в машину, а потом он едет и с удивлением отмечает, как, всё-таки, исчезает навык управления автомобилем в пьяном состоянии, как перестаёшь чувствовать габариты машины, не замечаешь знаков, светофоров, бордюров, людей... Машина во что-то ударяется. Господи, это был человек! Как такое получилось?! Как он, однако, далеко отлетел. Как сильно человека ударяет машина. 80 км/час?! Там где можно было 30? На другой картинке Рита работает на Южном полюсе биологом. На следующей картинке она воспитатель в детском саду а вот она с Эдиком на самолёте, только почему-то они в странных позах...

- Знаю, Рита, зачем ты пришла. Давно уже знаю. Ещё до аварии знал что придёшь. Ещё до того, когда молиться стала чтобы Эдик поженился, знал, что придёшь – а это ещё потом будет.

- Что - молиться стану? – спросила Рита.

- Не слушай пока меня, больного человека, - улыбнулся Тыжелай.

Тыжелай знал, сколько часов они проведут здесь вместе, сколько десятков лет потом он проживёт здесь один, без потрясений, тихо, как улитка. Что всё, что сейчас происходит, является тем, ради чего он появился на этот свет. Девушка,

которая находилась рядом с ним, к глубокому её несчастью была наделена высшей степенью здравомыслия, что не позволяло ей никогда до конца отдаваться ни одному мероприятию. Она лишилась голоса разума в результате трагедии, как некоторые утрачивают какие-нибудь другие свои физические способности или качества в результате каких-нибудь иных несчастных происшествий с ними, и теперь представляла собой сплошной комок эмоциональной энергии, который швыряли время и люди каждый в свою или случайную сторону. Ради Риты жизнь Тыжелая минимально заполнили событиями, к нулю свели её полезность и значимость, но максимально сохранили её. Ему никто не обещал награды за выполнение своей миссии - другой на его месте, может, и вовсе не пришёл бы к осознанию её – но он знал, что спокойствие и ЗНАНИЕ станет теперь его уделом. К нему приедут сюда ещё тысячи человек, а тысячи не доедут – кто ногу сломает пи дороге, кого просто несчастья настолько дойдут во время пути, что они, благоразумно отказавшись от этой затеи, устремятся обратно домой, а иных, слишком настырных, и звери дикие остановят. «А всё потому, - подумает однажды Тыжелай, глядя на обглоданные человеческие останки, - что нельзя постоянно подглядывать за своей судьбой. Она этого не любит». Он будет наблюдать здесь смены поколений по приезжающим, рассказывать им их прошлое, настоящее и будущее, вернёт физическое благополучие сотням отчаявшимся и безнадежным, с точки зрения современной медицины, и через много-много лет, с сердцем, в котором останется одна благодарность за жизнь, ляжет головой на камень, закроет глаза и пролежит так минут пятнадцать, почти без воспоминаний, наслаждаясь последними мгновениями дыхания.

В тысячный раз он пропустит через себя все эти мысли, эту встречу, всю свою предыдущую жизнь, в который раз с оттенком безнадежности сокрушится, насколько рядом с каждым человеком истина и знания, и с какой лёгкостью люди отталкивают их от себя, а потом закроет глаза, поднесёт ладонь ко лбу, сделает пару раз ею движение, как будто собирается разгладить на нём морщины, и скажет:

- А вот сейчас, Рита, послушай. Это хорошо, что ты пришла, а то б тоска твоя убила тебя. Я должен тебе объяснить, что ты сейчас видела. У вас с Эдиком скоро будет ребёнок, а вот в одном месте зря вы полетите на отдых. У тебя восемь детей, и ты не воспитатель в детском саду. Ты замужем, и у тебя трое детей. Ты во Франции. А человек тот? Ну, тот, что напился и сбил Эдика. Сама теперь понимаешь, а о большем тебе лучше и не знать. Но вот, что тебе следует сейчас узнать, Рита. Люди устроены так, что скорей примут на веру то, что не должно произойти, и всегда будут низводить то, что есть. Но только не ты не сейчас, поэтому тебе можно говорить, что есть, а не чему быть невозможно. Вместо того, что бы говорить тебе, от чего бежать, я могу смело говорить тебе, к чему устремляться. Наш счастливый удел - это то, что каждый человек в чём-то на точку в общем превосходит каждого, родившегося до него – в этом суть эволюции. Благодаря этой своей точке, ты смогла увидеть истину, прикоснувшись к сосне. Кстати, это твоё дерево в самом сокровенном смысле этого слова. Вот ты сейчас не знаешь, что это было, а я тебе скажу, как это происходит. Принимаемые нами решения разделяют направление мира на два сценария. На такой, где события выстраиваются следствием принятого решения, и на второй, где развитие получает противоположное, нашему принятому, решение. Помнишь, ты молилась, чтобы Эдик женился прежде тебя? Нет, не помнишь. Потому что это случится потом, и ни здесь. Но когда это будет происходить, ты в глубине души задашься вопросом, а желаешь ли ты этого больше жизни? И ты сначала себе ответишь, что нет, потом ответишь, что да, потом опять - нет, потом опять - да. В результате, ты, всё-таки, ответишь – нет. Как только ты решишь для себя, что жизнь тебе твоя дороже его личного счастья, твой мир побежит по сценарию, в котором твой друг соглашается на отнятие её у него ради твое личного счастья, потому что временами он без тебя не может. И вот ты здесь. Но было бы несправедливо, если не удовлетворить и его желание жизни больше твоего личного счастья. Там, где ты согласишься пожертвовать жизнью ради его счастья, она у тебя будет отнята - в том мире, в котором не согласишься, она будет отнята у него. Вспомни своё прикосновение к сосне. Вспомни миллиарды миров, миллиарды Рит. А как же было нас здесь организовать, чтобы всем было хорошо? Только так, или чтобы все побывали всем и во всём, или чтобы все, в конце концов, стали одним. И если в этом мире ты овечка, то в параллельном этому – волчица. Вы решили с Эдиком, что заслужили поездку и отправляетесь в неё? Но постарайся не плакать, когда самолёт начнёт падать, ведь в другом мире, где вы отказались от этой поездки, вы так счастливы... А потом все миры твои соединятся в один, все Риты станут одной, а память о самой продолжительной и счастливой жизни увенчает все предыдущие... Вот, Рита, как будто бы и всё. Теперь в тебе полно силы и веры, чтобы жить. Ты пробудишь здесь до завтра, и я предлагаю тебе побыть со своим деревом. Оно тебе много ещё чего расскажет. Мне тут они порой такое начинают говорить!.. Только я уже не разделяю, что говорят они, а что я сам себе накручивать начинаю. Пока с тобой кушали, слышу: «Всё, что кончается, соединяется с тем, что когда-то закончилось. Время идёт вперёд, а всё остальное возвращается назад, к началу, к тому, с чего всё началось», - ай, да что тут говорить?

Глава 3

В самолёте наступила тишина. Мёртвая тишина. Эдик с Ритой посмотрели на стюардессу. Её глаза на тёмном, от многочисленных посещений солярия, лице, ещё три минуты назад такие синие, были чёрные. В них стоял ужас, и читалась одна единственная мысль: жизнь кончена.

Пилот выключил двигатели ещё не набравшего высоту самолёта, собиравшегося

доставить 107 пассажиров в один из курортов нашей красавицы-планеты.

Две минуты назад, в километре от земли, в самолёте что-то взорвалось, его стало обволакивать дымом, и пару раз он как будто уткнулся в невидимую стену. Сразу же появился жуткий и «не здоровый» звук в двигателе – крик, крих, крик, крик.

Эдик не любил полёты, хотя в детстве ему пришлось с родителями полетать прилично: каждое лето родители пытались отправлять его к бабушкам и дедушкам или в пионерские лагеря, чтобы он отъедался витаминами, чего так не хватало на далёком севере, где им пришлось прожить около десяти лет.

Эдик знал, что вероятность погибнуть в автомобиле по дороге в аэропорт больше, чем в самолёте, на котором ты потом полетишь. И всё-таки...

Двадцать пять лет... Три года, как они с Ритой поженились, и вот - первая их туристическая вылазка. Всё работа, работа. А теперь стало можно. И не только это. Они перестали предохраняться...

Рита с Эдиком сцепились руками.

В жуткой тишине прозвучали четыре слова пилота, лишённые даже намёка на какую-то эмоциональность, самые бесстрастные, которые когда-либо слышали люди, да и то единицы: «Каждому приготовиться к столкновению!»...

Земля стала приближаться. Быстро. Слишком быстро.

В голове у Эдика сам собой зазвучал отчёт: 30, 29, 28...

«Господи, взорвись! Я не хочу, чтобы мы погибли, сгорев, или от чудовищных переломов!»

24, 23, 22...

«А умирать-то не страшно! Мы ж к этому идём всю жизнь! НО!.. Грустно, грустно, очень грустно... Я не хочу умирать... Я хочу жить!.. И жить я хочу только ради одного... Я хочу, только одного...»

Эдик посмотрел на Риту. Она плакала. Он сказал:

- Я хотел бы только одного – быть всегда с тобой рядом, и увидеть, как вырастут наши дети.

Рита не смогла ничего ответить, и лишь закивала, продолжая плакать, не в силах оторваться от магнетизирующего спокойного взгляда мужа. Её мозг пронзила мысль: «Постарайся не плакать, когда самолёт начнёт падать, ведь в другом мире, где вы отказались от этой поездки, вы так счастливы».

17, 16, 15...

Эдик проверил ремни безопасности на себе и на жене.

13, 12, 11...

- Сейчас ты наклонишься вперёд, - он помогал Рите своими руками, - подбородок зажми ногами, а головой упрись в сиденье, вот так, молодец, положи руки на голову, вот так, молодец...

8, 7, 6...

Он нашёл глазами два аварийных выхода – один может быть заблокирован - и сосчитал ряды кресел до них – если салон заполнится дымом, выход можно будет найти только на ощупь, считая сиденья. Их оказалось семь. Потом бросил последний взгляд на позу жены – если будет шанс остаться живым, эта поза её спасёт... А шанс есть всегда!

Он принял такую же позу, как Рита, но через мгновение убрал левую руку со своей головы и накрыл ею голову женщины, которую любил...

3, 2, 1.